



СТРАНИЦЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

Рано утром в субботу 26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты на четвёртом блоке Чернобыльской АЭС произошла авария, которой было суждено иметь глобальные последствия. Подобное событие затрагивает жизненные интересы всего человечества и становится трагическим в его истории.

Через несколько секунд после 1 часа 23 минут (время Московское) два последовавших один за другим взрыва сорвали крышу со здания реакторного отделения. Через образовавшиеся проёмы выбросило строительные конструкции, графитовые блоки, фрагменты и осколки ядерного топлива, обнажилась активная зона реактора, горящие фрагменты которой, выпавшие на крышу реакторного отделения и машзала, вызвали пожар на кровле и в помещениях реакторного отделения и машзала. Этому предшествовали следующие события: на энергоблоке № 4 в ночь с 25 на 26 апреля проводились мероприятия согласно утверждённому главным инженером ЧАЭС «Программы испытания турбогенератора № 8» в режиме «выбега» с нагрузкой собственных нужд с целью экспериментально проверить возможность использования механической энергии ротора, отключённого по пару турбогенератора № 8, для поддержания производительности механизмов собственных нужд в условиях обесточивания АЭС при потере электрической связи с энергосистемой. Это был протестный проект АЭС режим, но не опробованный и не внедрённый на АЭС с реактором РБМК-1000.

...То, что пережил эксплуатационный персонал 4-го блока ЧАЭС 26 апреля 1986 года, с трудом поддаётся описанию... Вот свидетельства непосредственных участников: Камышного, Рогожкина, Давлетбаева и др. Второй час ночи, в реакторном отделении почти сразу погас свет, телефоны отключились, рушились перекрытия, стены, дрожал пол. Помещения заполнялись пылью, паром, туманом, вспыхивали искры коротких замыканий электропроводки. Приборы дозиметрического контроля службы радиационной безопасности зашкаливают, повсюду течёт горячая вода, — прорваны трубопроводы первого контура, и вода радиоактивная, имеющая высокую температуру.

И сейчас, по прошествии 15 лет, не ясна на 100% причина Чернобыльской катастрофы, а есть только разные версии.

Взорвался сам реактор, обнажилась его активная зона. До момента катастрофы это считалось невозможным. Руководство ЧАЭС не хотело верить очевидному и отдавало распоряжения оперативному персоналу 4-го блока подавать воду на охлаждение реактора, не имея полной информации о происшедшем, а вода, не доходя до реактора из разрушенных трубопровод-

ных коммуникаций, заливала машзал и деаэрационную этажерку, распространяясь на минусовые отметки соседних блоков № 3, 2, 1, имеющих общий машзал. Аварийный запас дозиметров находился между 3-м и 4-м блоками в складе лаборатории, но доступ к нему уже был перекрыт завалом. Это было нарушением инструкции по радиационной безопасности.

Приборы такого рода по-

специейса из Москвы специализированное медицинское подразделение из врачей — радиологов клиники № 6 г. Москвы, которые в первые 36 часов первично обследовали более 300 человек и выполнили большое количество анализов крови. В помощь медикам г. Припяти подключились клинические учреждения г.г. Москвы и Киева.

В Москву, в клиническую больницу № 6, за первые двое суток самолётами спецрейсов



лагается хранить в помещениях гражданской обороны («бункерах») в зданиях АБК-1 и АБК-2, и только у начальнической службы радиационной безопасности смены был прибор со шкалой измерения до 50 рентген\час. Но оперативный персонал смены смог по профессиональной привычке в какой-то степени определить радиационную обстановку и без приборов дозконтроля. Он сразу понял: произошёл взрыв в реакторном отделении, реактор разрушен, но никто не оставил своих рабочих мест ни на 4-м, ни на 1, 2 и 3 энергоблоках. Им предстояло принимать решения, выполнять необходимые действия по управлению энергоблоками, реактор нельзя оставлять без надзора. На АЭС не просто полувоенная дисциплина, оперативный персонал АЭС понимает смысл и последствия своих действий, он выполнял свой профессиональный и человеческий долг.

29 человек из персонала смены и пожарных к этому времени умерли от острой лучевой болезни (ОЛБ). Многие из них похоронены в Москве на Митинском кладбище, там на их могилах установлен обелиск, память о них будет жить в сердцах людей.

Информация медикам об аварии на 4-м блоке поступила через 15 минут. Медицинская помощь пострадавшим в первый час после аварии была оказана дежурным медицинским персоналом здравпункта в административно-бытовом корпусе (АБК-1) и приехавшими по их вызову врачами скорой медицинской помощи МСЧ-126 г. Припяти, а пострадавшие с ярко выраженными признаками лучевой поражения вывозились прибывшими из Припяти бригадами скорой помощи МСЧ-126 в больницу г. Припяти, где проходили первичную санитарную обработку и первичное медицинское обследование. Работавшим на ЧАЭС работникам были выданы йодистые препараты.

Примерно через 12 часов после аварии приступило к работе прибывшее самолётном

было отправлено 129 самых тяжёлых пациентов, у 84 из которых были определены признаки острой лучевой болезни 2-4 степени тяжести. Всего больными острой лучевой болезнью (ОЛБ) было признано 237 человек.

...По сигналу начальника смены реакторного цеха № 2 Валерия Перевозченко оперативный персонал смены собрался в коридоре у блочного щита управления блоком (БЩ-4) и там они стали решать, кто должен находиться в этой смене, кто проходит стажировку или командирован с другого предприятия. Определили направление поисков людей, отрезанные завалами.

Не было известия только от В.И. Ходемчука, старшего оператора главных циркуляционных насосов реактора (ГЦН), во время эксперимента он находился в помещении ГЦН, чтобы выяснить, как работают ГЦН в режиме «выбег» при снижающихся оборотах. Помещение ГЦН было разрушено при взрыве. В то время ещё никто из них не мог предположить, что искать его уже бесполезно, так как радиационная обстановка и характер разрушений оперативному персоналу смены были ещё неизвестны.

В.М. Перевозченко, В.П. Клименко, В.В. Головатюк, В.С. Кириенко, В.В. Диченко, С.П. Юдин, В.И. Шкурко, С.В. Камышный, А.П. Ювченко трижды под завалами в помещениях ГЦН всё искали и искали пропавшего товарища и, может, если бы был на его месте другой — искали бы всё равно, — такой профессиональный и человеческий долг. Но мысль потеряла Валерия была невыносимой. Его любили за душевную щедрость, открытость и прямоту, за добросовестность в любом деле, за профессионализм.

(Продолжение следует...)
Николай ПОПОВ,
с июня 1986 по февраль 1987-го в качестве инженера-инспектора госатомэнергоснабжения осуществлял контроль за сооружением объекта «Укрытие»